

МАРК ХЭДДОН

ЗАГАДОЧНОЕ НОЧНОЕ УБИЙСТВО СОБАКИ

У Марка Хэддона редкий дар — он мудрый и одновременно смешной писатель, способный соперничать своим героям.

✦ ИЗН МАКЬЮЭН ✦

Марк Хэддон
Загадочное ночное
убийство собаки
Серия «Young Adult.
Легендарные книги»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49387470

Загадочное ночное убийство собаки: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-104970-6

Аннотация

Пятнадцатилетний Кристофер Бун – аутист. Он талантливый математик и очень умный парень, вот только его цепкая память и живой ум совсем не помогают ему в жизни. Пока однажды – если быть точными, в семь минут первого ночи – его не застают на заднем дворе соседей. Рядом лежит обезображенный пес. Теперь Кристофер – подозреваемый! Сможет ли мальчик провести расследование и доказать окружающим, что он не имеет никакого отношения к смерти беззащитного животного. Или имеет?

Содержание

2	6
3	8
5	11
7	13
11	15
13	18
17	19
19	23
23	26
29	30
31	32
37	36
41	38
43	41
47	44
53	48
59	52
61	57
67	60
71	74
73	77
79	80
83	84

89	86
97	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марк Хэддон

Загадочное ночное убийство собаки

Mark Haddon

THE CURIOUS INCIDENT OF THE DOG IN THE
NIGHT-TIME

© Куклей А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Посвящается Сос
Благодарю Кэтрин Хейман, Клэр Александер,
Кейт Шоу и Дейва Коэна*

2

Было 7 минут после полуночи. Собака лежала на лужайке перед домом миссис Ширз. Глаза ее были закрыты. Она выглядела так, будто бы бежала лежа на боку, как бегают собаки, когда им снится, что они гонятся за кошкой. Но эта собака не бежала и не спала. Она была мертвая. Из тела собаки торчали садовые вилы. Зубья вил, должно быть, проткнули ее насквозь и еще глубоко ушли в землю, поскольку вилы стояли и не падали. Я решил, что эти-то вилы и убили собаку, потому что не видел на ней больше никаких ран. И я сомневался, что вилы воткнули в нее после смерти – смерти по какой-то иной причине, вроде болезни или дорожно-транспортной катастрофы. Однако я не был уверен в этом до конца.

Я прошел через калитку во двор миссис Ширз, шагнул на лужайку и опустился на колени перед собакой. Протянул руку и тронул собачью морду. Она была еще теплой.

Собаку звали Веллингтон. Она принадлежала миссис Ширз, с которой мы дружили. Она жила на противоположной стороне улицы, через два дома от нас.

Веллингтон был пуделем. Но не таким миниатюрным пуделем, которым делают всякие стрижки, а крупным пуделем. У него была выющаяся черная шерсть, но если подойти ближе, то можно было увидеть, что сквозь нее просвечивает ко-

жа – бледно-желтая, как у цыпленка.

Я погладил Веллингтона и задумался, кто его убил и почему.

3

Меня самого зовут Кристофер Джон Френсис Бун. Я знаю все страны мира, и их столицы, и все простые числа до 7507.

Когда мы впервые встретились с Шивон, она показала мне вот такую картинку:

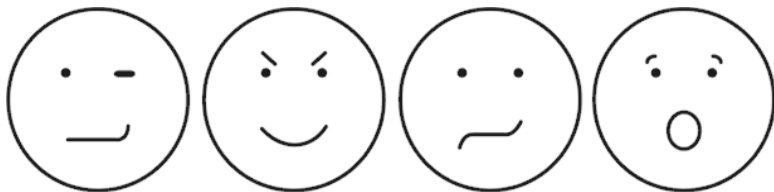
И я знал, что это означает печаль. То, что я почувствовал, когда обнаружил мертвую собаку.

Потом она показала мне другую картинку. Вот эту:

И я понял, что это обозначает счастье. То, что я испытываю в те моменты, когда читаю о космических миссиях «Аполлона» или когда просыпаюсь в три-четыре часа утра, выхожу на улицу и представляю, будто я единственный человек во Вселенной.

Потом она еще рисовала другие картинки:

Но я не могу сказать, что это значит.

Я однажды попросил Шивон нарисовать много-много та-

ких лиц и потом приписать под каждым, что оно точно обозначает. Я носил эту бумажку в кармане и вынимал ее, когда не понимал, что же именно человек чувствует. Но было очень трудно решить, которая из схем больше подходит к его настроению, потому что на самом деле лица людей очень быстро изменяют выражение.

Когда я рассказал Шивон, что я это делаю, она взяла карандаш и еще один листок бумаги и сказала, что мои действия, скорее всего, заставляют людей чувствовать себя очень

А потом стала смеяться. Тогда я разорвал первый листок и выкинул его. А Шивон попросила прощения. И теперь, если я не могу понять, что человек имеет в виду, я уточняю у него самого или просто ухожу.

Я вытащил вилы из тела собаки, взял ее на руки и крепко обнял. Из дырок, оставленных вилами, еще сочилась кровь.

Я люблю собак. Всегда можно понять, о чем собака думает. У нее есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное. И еще собаки преданные и никогда не лгут, потому что они не умеют говорить.

Я держал собаку 4 минуты, а потом послышался крик. Я поднял глаза и увидел миссис Ширз. Она бежала ко мне со стороны дома. На ней была надета пижама, а сверху халат. Ногти ее были выкрашены в ярко-розовый цвет, а на ногах не было никакой обуви.

Она кричала:

– Черт побери! Что ты сделал с собакой?

Я не люблю, когда люди на меня кричат. Я от этого пугаюсь, потому что они могут ударить меня или ко мне притронуться. И я не знал, что мне делать дальше.

– Отпусти собаку! – кричала она. – Ради Христа, отпусти эту гребаную собаку.

Я положил собаку на землю и отступил на два метра.

Она наклонилась. Я подумал, что миссис Ширз хочет взять собаку сама, но она этого не сделала. Может быть, она заметила, что на теле слишком много крови, и побоялась испачкаться. Потом миссис Ширз снова принялась кричать.

Я закрыл уши руками, зажмурил глаза и стал клониться вперед, пока не согнулся так, что лоб коснулся травы. Трава была холодной и влажной. И мне сразу сделалось лучше.

Это детектив про убийство.

Шивон сказала, что я должен написать такую книгу, которую стал бы читать сам. Я в основном читаю разные научные книги, например по математике. Я не люблю выдуманных романов. В них люди говорят всякие вещи, вроде: «Я испещрен прожилками железа, серебра и полосами обыкновенной грязи. Я не могу сжаться в кулак, как те, кто не зависит от стимуляторов»¹. Что это должно означать? Я не знаю. И отец не знает. И Шивон тоже не знает. И мистер Дживонс. Я их спрашивал.

У Шивон длинные светлые волосы, и она ходит в очках, которые сделаны из зеленого пластика. А мистер Дживонс пахнет мылом и носит ботинки, на каждом из которых сверху примерно по 60 крошечных дырочек.

Но детективы мне нравятся. Так что я пишу детектив.

В детективе кто-нибудь проводит расследование и выявляет преступника, чтобы его можно было поймать. Там есть загадка. Если загадка загадана хорошо, то можно самому вычислить ответ еще прежде, чем закончится книжка.

Шивон сказала, что книга должна начинаться с яркого эпизода, который сразу привлечет внимание. Вот почему я на-

¹ Эту книгу я видел в городской библиотеке, когда мать однажды водила меня с собой в город.

чал с собаки. Я выбрал событие, которое случилось со мной, поскольку я не могу представить того, чего со мной на самом деле не происходило.

Шивон прочла первую страницу и сказала, что у меня все не так. Она сказала, что в детективах обычно убивают людей. Я ей ответил, что в «Собаке Баскервилей» погибли целых две собаки: сама собака Баскервилей и спаниель Джеймса Мортимера. Но Шивон мне на это ответила, что они не были жертвами преступления. Жертвой был сэр Чарльз Баскервиль. Она сказала, что так происходит, поскольку читателей люди интересуют больше, чем собаки. То есть, если в книге умрет человек, это скорее привлечет внимание тех, кто будет ее читать.

А я объяснил, что хотел написать правдивую историю. Я знал разных людей, которые сейчас уже умерли, но я никогда не был знаком ни с кем, кто погиб, за исключением разве что мистера Паулсона, отца Эдварда из нашей школы. Но это было не преступление, а несчастный случай, да и потом, я его почти не знал... И еще я объяснил, что люблю собак, потому что они преданные и честные, и некоторые собаки умнее и интереснее, чем многие люди. Например, Стива, который приходит в школу по четвергам, приходится кормить с ложечки, и он даже неспособен принести палку. Шивон попросила меня не говорить ничего такого матери Стива...

А потом приехала полиция. У них была униформа и значки, и было ясно, зачем они здесь. Их было двое: женщина-полицейский и мужчина-полицейский. У полицейской женщины на левой лодыжке была небольшая дырка в колготках, а посреди этой дырки – красная царапина. А у мужчины-полицейского к подошве ботинка прилип большой оранжевый лист; он торчал с одной стороны и немного топорщился.

Полицейская женщина обняла миссис Ширз за плечи и повела ее к дому.

Я оторвал голову от травы.

Полицейский мужчина присел на корточки рядом со мной и сказал:

– Не будешь ли ты так любезен объяснить, что тут произошло, молодой человек?

Я сел. И ответил:

– Собака умерла.

– Это я понял, – отозвался он.

Я сказал:

– Я думаю, что собаку кто-то убил.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

Я ответил:

– Мне 15 лет, 3 месяца и 2 дня.

– А что именно ты делал в саду? – спросил он.

– Я взял собаку на руки и так держал, – сказал я.

– А зачем ты держал собаку? – спросил он.

Это был сложный вопрос. Я это сделал потому, что мне так хотелось. Я люблю собак. И мне стало очень грустно, когда я понял, что собака умерла.

Полицейских я тоже люблю, и поэтому я хотел объяснить все как можно точнее, но полисмен не дал мне достаточно времени, чтобы обдумать ответ.

– Так почему ты держал собаку? – повторил он.

– Мне нравятся собаки, – сказал я.

– Это ты ее убил? – спросил он.

А я сказал:

– Нет. Я не убивал.

– Это твои вилы? – спросил он.

Я сказал:

– Нет.

– Кажется, тебя все это очень расстроило, да? – сказал он.

Полицейский задавал слишком много вопросов. И он это делал слишком быстро. Мне это показалось похожим на буханки хлеба с фабрики, где работает дядя Терри. Эта фабрика – такая большая пекарня, а дядя Терри оперирует хлеборезкой. И иногда так бывает, что хлеборезка работает недостаточно быстро, а хлеб продолжает поступать, и получается закупорка. Я иногда представляю свой разум в виде машины, хотя это не обязательно хлеборезка. Но так проще объяснить другим, что со мной происходит.

Полицейский мужчина сказал:

– Ну? Что тут приключилось?..

Я отвернулся от него и снова упал лицом в траву. А потом издал звук, который отец называет стенаниями. Этот звук у меня вырывается, когда из внешнего мира приходит слишком много информации разом. Так бывает, например, когда я огорчаюсь. Тогда я подхожу к радиоприемнику и ставлю его на промежуточный канал между двумя станциями. Из него начинает вырваться шипение. Если сильно отвернуть громкость, то, кроме него, ничего не слышно. И когда я его слушаю, я чувствую себя в безопасности...

... Тем временем полицейский взял меня под локоть и поднял на ноги.

А я не люблю, когда люди ко мне прикасаются.

И потому я его ударил.

Моя книга не будет смешной. Я не могу рассказывать шутки, потому что я их не понимаю. Вот шутка, например. Одна из отцовских.

Хорошее дело браком не назовут.

Я знаю: предполагается, что это смешно. Я спрашивал. Это потому, что слово «брак» имеет два значения: 1) брак – это женитьба и семейная жизнь; 2) брак – это плохая работа и ее результат, то есть негодные вещи. И кажется, что речь идет о значении 1, а на самом деле – о значении 2.

Если я пытаюсь произнести шутку сам, заставляя слово обозначать две разные вещи в одно и то же время, мне начинает казаться, что я слышу две разные мелодии, которые не сочетаются друг с другом и совсем не так хороши, как белый шум. Или у меня возникает чувство, что два разных человека пытаются одновременно говорить со мной на две разные темы.

Вот почему в этой книге нет никаких шуток.

Полицейский посмотрел на меня. Некоторое время он молчал, а потом сказал:

– Я арестую тебя за нападение на полицейского.

И мне стало гораздо спокойнее, поскольку он сказал то, что полицейские обыкновенно говорят на телевидении и в кино.

Потом он еще сказал:

– И настоятельно тебе советую лезть в машину, потому что, если ты, дерьменыш, еще что-нибудь выкинешь, я окончательно потеряю терпение. Это понятно?

Я пошел к полицейской машине, стоявшей перед калиткой. Он открыл заднюю дверь, и я забрался внутрь. А он сел на водительское сиденье и связался по рации с полицейской женщиной, которая все еще была в доме. И сказал:

– Этот клоп только что двинул мне в морду, Кейт. Ты можешь побыть у миссис Ш., пока я отвезу его в участок? Я скажу Тони, чтобы он заехал и подобрал тебя.

А она ответила:

– Не вопрос. Увидимся позже.

Полисмен сказал:

– Лады. – И мы поехали.

В полицейской машине пахло горячей пластмассой, лосьоном для бритья и чипсами.

Пока мы ехали к центру, я смотрел в небо. Ночь была ясная, и потому я отчетливо видел Млечный Путь.

Некоторые люди думают, что Млечный Путь – это просто длинная вереница звезд, но они не правы. Наша Галактика представляет собой огромный диск размером в 100 000 световых лет, а Солнечная система находится где-то неподалеку от его наружного края.

Когда вы посмотрите в направлении А под углом 90° к диску, вы увидите совсем немного звезд. Но если вы глянете в направлении В, то звезд будет гораздо больше, потому что вы смотрите в центр Галактики. А так как Галактика – диск, то вам видно длинную полосу звезд.

И потом я задумался о том, что ученые долгое время недоумевали, почему небо по ночам темное. Ведь там, во Вселенной, находятся миллиарды звезд. Звезды есть повсюду, куда бы вы ни посмотрели, во всех направлениях. Так что небо

должно быть озарено звездным светом, поскольку свет движется очень быстро и рано или поздно должен достигнуть Земли. И мало что может остановить его движение.

Но потом ученые выяснили, что наша Вселенная постоянно расширяется и звезды отдаляются друг от друга. Это явление называется Большой взрыв, и чем дальше от нас находятся звезды, тем быстрее они движутся. Некоторые – так же быстро, как и сам свет, и вот почему их собственный свет никогда не доберется до нас.

Мне нравятся такие факты. Это нечто такое, что можно осмыслить у себя в голове, просто глядя на небо по вечерам, размышляя и никого ни о чем не спрашивая.

А когда Вселенная закончит взрываться, все звезды станут замедляться, как мяч, подкинутый в воздух. Потом их движение полностью остановится, и они опять начнут падать в центр Вселенной. И тогда можно будет увидеть все звезды в мире, потому что они будут двигаться по направлению к нам – все быстрее и быстрее. И это будет означать, что скоро настанет конец света. И тогда, если посмотреть ночью в небо, там уже не будет темноты, а только пламенеющий свет миллиардов и миллиардов звезд, которые все падают вниз. Только никто этого не увидит, потому что на Земле уже не останется людей. Они к тому времени все вымрут. А если даже какие-то люди еще будут здесь жить, то они все равно ничего не смогут увидеть, потому что этот свет будет таким ярким и таким горячим, что просто сожжет их всех до смер-

ти, даже если они будут жить в подземных туннелях.

19

Во всех книгах главы имеют порядковые номера 1, 2, 3, 4, 5, 6 и так далее. Но я решил придать моим главам значения простых чисел 2, 3, 5, 7, 11, 13 и так далее, потому что мне нравятся простые числа.

Вот как можно понять, что такое простые числа: сначала вы пишете все положительные целые числа, которые только существуют в мире.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36	37	38	39	и т.д.

Потом вы убираете те из них, которые делятся на 2. Потом убираете все числа, которые делятся на 3. Потом убираете все числа, которые делятся на 4, на 5, на 6, на 7 и так далее. Числа, которые остаются, – это простые числа.

	2	3		5		7			
11		13				17		19	
		23						29	
31						37			
41		43				47			и т.д.

Выявлять простые числа совсем нетрудно, но никто до сих пор не сумел вывести формулу, которая показывала бы, является ли очень большое число простым или нет и какое будет следующим. Если число действительно очень-очень большое, то даже компьютеру придется работать годы, чтобы выяснить, простое это число или нет.

Простые числа очень удобны для записи кодов, и в Америке они используются для военных целей. Если вы найдете новое простое число длиной хотя бы в 100 цифр, вы можете сказать об этом ЦРУ, и они купят его у вас за десять тысяч долларов. Но это не лучший способ заработать на жизнь.

Простые числа – это то, что остается, когда вы убираете все классификации и шаблоны. Я думаю, что простые числа похожи на жизнь. Они очень логичные, но вы никогда не сможете выработать для них правила, даже если будете по-

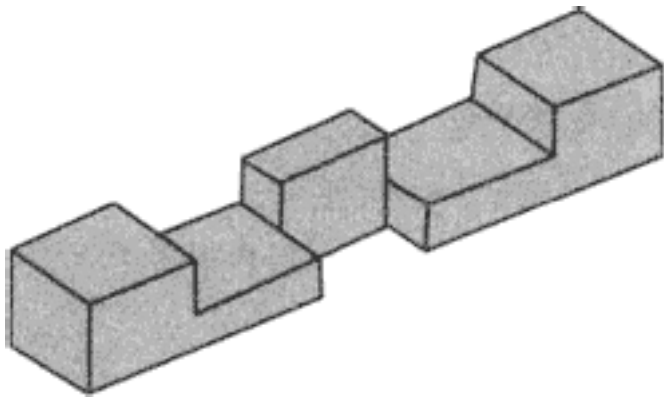
СТОЯННО ДУМАТЬ ТОЛЬКО ОБ ЭТОМ.

Когда я оказался в полицейском участке, мне велели вынуть шнурки из ботинок, вытащить все, что у меня было в карманах, и положить на стол – на тот случай, если бы у меня там были вещи, которые можно использовать для самоубийства, или для побега, или для нападения на полицейского.

У сержанта, сидевшего за столом, были очень волосатые руки, а ногти обкусаны чуть ли не до крови.

Вот что лежало у меня в карманах:

1. Швейцарский армейский нож с тринадцатью лезвиями, включая устройство для зачистки проводов, пилку, зубочистку и пинцет.
2. Кусок веревки.
3. Деталь деревянной головоломки, которая выглядела так:

4. 3 шарика крысиной еды для Тоби, моей крысы.

5. 1,47 фунта (монета в 1 фунт, монета в 20 пенсов, две монеты по 10 пенсов, монета в 5 пенсов и монета в 2 пенса).

6. Красный зажим для бумаги.

7. Ключ от входной двери.

Еще у меня были часы, и полицейские потребовали, чтобы их я тоже положил на стол, но я сказал, что мне нужно оставить часы при себе, потому что я привык точно знать, сколько времени. А когда они попытались снять их, я закричал, и они позволили мне оставить часы.

Потом они спросили, есть ли у меня семья. Я сказал «да». Они спросили, кто моя семья, и я ответил, что это отец, а мать умерла. И еще я сказал, что у меня есть дядя Терри – папин брат, но он живет в Сандерленде. Еще у меня были бабушки и дедушки, но трое из них уже умерли, а у бабушки

Бёртон старческий маразм, и она думает, что я работаю на телевидении.

Полицейские попросили меня дать номер телефона отца.

Я сказал им, что у него два номера, один домашний, другой – мобильного телефона, и назвал оба.

В камере было чудесно. Это был почти идеальный куб: 2 метра длиной, 2 метра шириной и 2 метра высотой. И там содержалось приблизительно 8 кубических метров воздуха. В одной стене было маленькое окно с решеткой, а напротив него металлическая дверь с еще одним окошком, закрытым заслонкой. Но заслонка была отодвигающаяся, чтобы полицейские могли посмотреть и убедиться, что заключенный не сбежал и не попытался покончить с собой. А еще там стояла мягкая кушетка.

Я задумался, как можно отсюда убежать, если возникнет такая необходимость. Это было бы непросто, поскольку все, что у меня оставалось, – это одежда и ботинки без шнурков.

Я решил, что наилучшим выходом было бы дожидаться по-настоящему солнечного дня и при помощи очков сфокусировать свет на каком-нибудь куске одежды. Когда она загорится, полицейские увидят дым и придут, чтобы вытащить меня из камеры. А если они ничего не заметят, то можно будет помочиться на ткань и так потушить ее.

Потом я задумался, сказала ли миссис Ширз полиции, что это я убил Веллингтона. И посадят ли ее в тюрьму, когда выяснится, что она солгала. Ведь если кто-то говорит неправду

О другом человеке, то это называется клевета.

Я полагаю, что люди очень часто не понимают друг друга. И тому есть две основные причины.

Первая основная причина состоит в том, что люди часто общаются, не используя слов. Шивон говорит, что, если поднять одну бровь, это может означать много разных вещей. Это может значить: «Я хочу заняться с тобой сексом», и также это может значить: «Я думаю, что ты сейчас сказал глупость».

Еще Шивон говорит, что если закрыть рот и громко дышать через нос, то это означает, что ты расслабился, или что ты раздражен, или что ты зол. Все зависит от того, сколько воздуха зараз проходит через твои ноздри, и с какой скоростью, и какую форму принимают в этот момент твои губы, и как ты сидишь, и что ты говорил перед этим, и еще от сотни других вещей. И эти вещи слишком сложны, чтобы все их осмыслить за две секунды.

Вторая основная причина состоит в том, что люди часто говорят, используя метафоры. Вот примеры метафор:

Я сейчас лопну от смеха.

Она носила его образ в своем сердце.

У каждой семьи есть скелет в шкафу.

Ему подложили свинью.

Собака была мертвее мертвого.

Слово «метафора» обозначает перенесение чего-то из одного места в другое, и оно образовалось из греческих слов (что означает «из одного места в другое»), и (что означает «нести») вы используете слова для обозначения чего-то, что они на самом деле не значат. Тогда это называется метафорой.

А я думаю, это можно назвать ложью, потому что свиней никто никуда не подкладывает и люди не хранят скелеты у себя в шкафах. И когда я пытаюсь соорудить картинку фразы у себя в голове, это меня только запутывает. Потому что я не могу представить, как можно что-то носить в сердце и как это связано с приязнью. И оттого я забываю о человеке – человеку, о котором изначально шла речь.

Мое имя – тоже метафора. Оно означает «перенесение Христа» и тоже сложено из греческих слов (что значит Иисус Христос). Это имя было дано святому Кристоферу, потому что он перенес Иисуса Христа через реку.

Вы можете спросить, как же его звали до того, как он перенес Христа через реку. Но его никак не звали, поскольку это апокриф, а апокриф – тоже ложь.

Мать говорила, что Кристофер – чудесное имя, потому что оно обозначает историю о том, как быть добрым и помогать другим. Но я не хочу, чтобы мое имя обозначало историю о том, как быть добрым и помогать другим. Я хочу, чтобы мое имя обозначало меня.

Было 01.12 ночи, когда отец приехал в полицейский участок. Я не видел его до 01.28, но я знал, что он там, потому что слышал его голос.

Он кричал: «Я желаю видеть своего сына!» И еще: «Какого дьявола вы его заперли?» И еще: «Да, я чертовски зол».

В 01.28 полицейский открыл дверь камеры и сказал, что ко мне пришли.

Я вышел. Отец стоял в коридоре. Он поднял правую руку и развел пальцы в стороны. Я поднял левую руку и тоже растопырил пальцы. И мы соприкоснулись подушечками. Мы так делаем, потому что иногда отец хочет меня обнять, но я не люблю, когда меня трогают, поэтому мы немножко касаемся друг друга, и это обозначает, что отец меня любит.

Потом полицейский велел нам пройти по коридору в другую комнату. Там стояли стол и три стула. Он сказал, чтобы мы сели с дальней стороны, а сам сел напротив. На столе лежал диктофон, и я спросил, значит ли это, что он будет допрашивать меня и записывать показания.

Он ответил:

– Думаю, в этом нет необходимости.

Он был инспектором. Я это понял, потому что он не носил униформы. И у него было очень много волос в носу. Казалось, будто у него в ноздрях прячутся две маленькие мыш-

ки².

Он сказал:

– Я поговорил с твоим отцом, и он утверждает, что ты не нарочно ударил полицейского.

Я ничего не ответил, потому что это не было вопросом.

Инспектор спросил:

– Ты намеренно ударил полицейского?

Я сказал:

– Да.

Он скривил лицо и сказал:

– Но ты не хотел причинить полицейскому вред?

Я подумал и ответил:

– Нет. Я не хотел причинять ему вред. Я просто хотел, чтобы он перестал меня трогать.

Тогда он сказал:

– Ты знаешь, что нельзя бить полицейских, не так ли?

Я сказал:

– Да.

Он помолчал две секунды, а потом спросил:

– Это ты убил собаку, Кристофер?

Я сказал:

– Я не убивал собаку.

² Это не метафора, а образное сравнение. Это значит, что инспектор и правда выглядел так, как будто у него в каждой ноздре прячется мышка. И если вы можете представить себе человека, у которого в ноздрях сидит по мышке, то вы поймете, как выглядел инспектор. А образное сравнение – это не ложь, и это не плохо, если сравнение не обидное.

Он спросил:

– Ты знаешь, что нельзя лгать полицейскому, а если ты станешь это делать, то у тебя будут очень серьезные проблемы?

Я сказал:

– Да.

А он спросил:

– Может быть, ты знаешь, кто убил собаку?

Я сказал:

– Нет.

Он сказал:

– Ты говоришь правду?

Я ответил:

– Да. Я всегда говорю правду.

И он сказал:

– Ладно. Я собираюсь вынести тебе предупреждение.

Я спросил:

– Оно будет написано на листке бумаги и я смогу носить его с собой?

Он ответил:

– Нет, предупреждение означает, что мы запишем все, что произошло: что ты ударил полицейского, но это была случайность и ты не собирался причинять ему вред.

Я сказал:

– Но это не было случайностью.

А отец сказал:

– Кристофер, я тебя умоляю.

Инспектор закрыл рот, громко подышал через нос и сказал:

– Если ты опять попадешься, мы извлечем эту запись и увидим, что тебе уже было сделано предупреждение. И тогда у тебя будут гораздо более серьезные неприятности. Ты меня понимаешь?

Я ответил, что все понимаю.

Потом он сказал, что мы можем идти, и открыл дверь.

Мы вышли в коридор и вернулись к первому столу, где я оставил мой армейский нож, кусок веревки, деталь деревянной головоломки, и 3 шарика крысиной еды для Тоби, и мои 1,47 фунта, и ключ от входной двери. И все это было уложено в пластиковый пакет. Потом мы вышли на улицу, сели в машину отца, которая была припаркована снаружи, и поехали домой.

Я никогда не лгу. Мать говорила, это потому, что я хороший человек. Но это вовсе не потому, что я хороший человек. Я просто не могу лгать.

Мать была невысокой, и от нее очень приятно пахло. Она иногда носила шерстяную кофту с молнией впереди. Кофта была розовой, а на левой стороне груди у нее находился маленький лейбл с надписью: «**Berghaus**».

Ложь – это когда ты говоришь, что было что-то такое, чего на самом деле не было. Но речь идет только об одной вещи, которая происходит в конкретном месте в конкретное время. А ведь есть неопределенное число вещей, которые не случились в этом месте и в это время. И если я думаю о чем-то, чего не случилось, я начинаю думать и об остальных вещах, которые тоже не случились.

Например, сегодня утром я съел готовый завтрак и выпил немного малинового молочного коктейля. Но если я скажу, что на завтрак у меня были шоколадные подушечки и чашка чаю³, то начну думать о кукурузных хлопьях, и о лимонаде, и о картошке, и о «Докторе Пеппере», которых тоже не было. Потом я подумаю о том, что я не завтракал в Египте, и в комнате не было носорогов, и отец не носит водолазный

³ Но у меня не было ни шоколадных подушечек, ни чая, потому что все это коричневое.

костюм, и так далее. И даже один только факт, что я сейчас это все пишу, пугает меня так, что я начинаю дрожать. Это так, будто я нахожусь на вершине очень высокого здания, а внизу, подо мной, – тысячи домов, и машин, и людей. Я вижу это все разом, и это переполняет мою голову, и оттого я боюсь, что позабуду стоять прямо и держаться за перила. А тогда я упаду вниз и погибну.

И это еще одна причина, почему я не люблю вымышленных романов. Они рассказывают о вещах, которых никогда не происходило, и от этого мне делается страшно, и я начинаю дрожать.

Вот почему все, что я здесь написал, – правда.

Когда мы ехали домой, небо было затянуто облаками, и потому я не видел Млечного Пути.

Я сказал: «Извини меня», – потому что отцу пришлось ехать в полицейский участок и это было очень плохо.

Он ответил:

– Все в порядке.

Я сказал:

– Я не убивал собаку.

А он сказал:

– Я знаю.

Потом он еще сказал:

– Кристофер, ты не должен влипать в неприятности, понимаешь?

Я ответил:

– Я не знал, что попаду в неприятности. Я люблю Веллингтона и пришел с ним поздороваться. Я не знал, что его кто-то убил.

Отец сказал:

– Просто не суйся в чужие дела.

Я подумал об этом немного и сказал:

– Я собираюсь выяснить, кто убил Веллингтона.

А отец сказал:

– Ты слышал, что я тебе велел, Кристофер?

Я ответил:

– Да, я слышал, что ты мне велел, но, когда кого-то убивают, надо выяснить, кто это сделал, и наказать его.

А он сказал:

– Это всего лишь собака, Кристофер. Всего лишь собака, черт побери!

Я ответил:

– Собаки тоже важны.

Он сказал:

– Оставь.

А я сказал:

– Я хочу знать, выяснит ли полиция, кто его убил, чтобы наказать этого человека.

Тогда отец ударил кулаком по рулю, и машина от этого вильнула и заехала на разделительную линию. А отец закричал:

– Я сказал, оставь это! Бога ради.

Поскольку отец кричал, я понял, что он сердится. А я не хотел его злить и поэтому ничего больше не сказал до самого дома.

Когда мы вернулись в дом, я прошел на кухню и взял морковь для Тоби. Потом я поднялся наверх, закрыл дверь своей комнаты, выпустил Тоби и дал ему морковь. После этого я включил компьютер и сыграл 76 игр в «Сапера». Я прошел уровень эксперта за 102 секунды, что только на 3 секунды медленнее моего лучшего результата, который составляет 99

секунд.

В 02:07 я решил, что хочу выпить апельсинового сока, прежде чем почистить зубы и лечь в постель, так что я спустился на кухню. Отец сидел на диване, смотрел телевизор и пил виски. А в глазах у него были слезы.

Я спросил:

– Ты грустишь по Веллингтону?

Он долго на меня смотрел, а потом втянул воздух через нос. И ответил:

– Да, Кристофер, можно и так сказать. Очень даже просто можно так сказать.

Тогда я решил оставить его одного, потому что, когда я грущу, я люблю быть один. Так что я больше ничего не сказал. Я просто прошел на кухню, налил сока и вернулся обратно к себе в комнату.

Мать умерла два года назад.

Я вернулся домой из школы, но мне никто не открывал, так что я взял секретный ключ, который лежал под ковриком перед кухонной дверью. Я вошел в дом и занялся моделью танка «Айрфикс Шерман», которую я строил.

Через полтора часа отец вернулся домой с работы. Он занимается починкой нагревательных приборов и всякой сантехники вместе с человеком по имени Родри, который у него работает. Отец постучался в дверь моей комнаты, открыл ее и спросил, видел ли я мать.

Я сказал: нет, я ее не видел. Тогда он ушел на первый этаж и начал звонить по телефону. Но мне было не слышно, что именно он говорил.

Потом он пришел ко мне в комнату и сказал, что должен уйти на некоторое время, но точно не знает, на сколько. Он сказал, если мне что-то понадобится, я могу позвонить ему по мобильному телефону.

Отца не было два с половиной часа. Когда он вернулся, я спустился вниз. Отец сидел в кухне и смотрел в окно, которое выходит в сад, и из него видно пруд, забор из рифленого железа и верхушку башни церкви на Манстед-стрит, которая похожа на маленький замок, потому что она норманнского периода.

Отец сказал:

– Я боюсь, что вы с матерью не сможете видеться какое-то время.

Он не смотрел на меня, когда это говорил, а сидел, обернувшись к окну.

Обычно люди смотрят на тебя, когда они с тобой разговаривают. Я знаю, что они в этот момент пытаются понять, что я думаю, но я не могу понять, что думают они. Это как будто ты находишься в комнате с односторонним зеркалом, как в шпионских фильмах. И мне было приятно, что отец разговаривал, не глядя на меня.

Я сказал:

– Почему?

Он очень долго молчал, а потом ответил:

– Твоей матери пришлось лечь в больницу.

– Мы можем ее навестить? – спросил я, потому что я люблю больницы: мне нравятся тамошняя униформа и машины.

Отец сказал:

– Нет.

Я спросил:

– Почему нет?

А он ответил:

– Ей нужно отдохнуть. Она хочет побыть наедине с собой.

Тогда я спросил:

– Это психиатрическая больница?

И отец ответил:

– Нет. Это обычная больница. У нее проблемы... проблемы с сердцем.

Я сказал:

– Нужно отнести ей еды, – поскольку я знал, что еда в больницах не очень хорошая. (Дэвид из нашей школы однажды лежал в больнице, ему делали операцию на ноге. Ему нужно было удлинить мышцы икры, чтобы лучше ходить. Дэвид терпеть не мог тамошнюю пищу, поэтому его мать каждый день носила ему еду.)

Отец долго молчал, а потом сказал:

– Я отнесу ей чего-нибудь днем, когда ты будешь в школе. Отдам врачам, а они передадут маме, ладно?

Я сказал:

– Но ты не умеешь готовить.

Отец закрыл лицо руками и сказал:

– Кристофер, слушай, я куплю какой-нибудь готовой еды в «Марке и Спенсере» и отнесу ей. Мама любит такие вещи.

Я сказал, что напишу ей открытку типа «Выздоровлявай», потому что так всегда делают для людей, которые лежат в больницах.

Отец сказал, что отнесет ее матери в больницу.

На следующий день по пути в школу мы проехали в автобусе мимо четырех красных машин подряд, что означало **хороший день**, – так что я решил не грустить о Веллингтоне.

Мистер Дживонс, школьный психолог, однажды спросил меня, почему четыре красные машины подряд обозначают **хороший день**, а три красные машины обозначают **довольно хороший день**, а пять красных машин обозначают **очень хороший день**. И почему четыре желтые машины в ряд означают **черный день**, то есть такой день, когда я ни с кем не разговариваю, не ем свой ланч и сижу один, читая книги, и не предпринимаю ничего рискованного. Он сказал, что считает меня очень логичным человеком, и потому его удивляет, что я мыслю подобным образом. Поскольку это не слишком-то логично.

Я ответил, что люблю, когда вещи находятся в правильном порядке. И один из способов упорядочить вещи – это быть логичным. Особенно если эти вещи – числа или аргументы. Но есть и другая возможность выстроить вещи в правильном порядке. И вот почему у меня были **хорошие дни** и **черные дни**. Я сказал, что некоторые люди, которые работают в офисе, выходят по утрам из своих домов и видят, что светит солнце, и тогда они чувствуют себя счастливыми. Или видят, что идет дождь, и им делается печально. Но для

них нет разницы, какая на улице погода, потому что они работают в офисе, и погода никак на них не влияет – ни солнечная, ни дождливая.

Я сказал, что, когда отец встает по утрам, он всегда надевает брюки прежде, чем носки, и в этом нет никакой логики, но он всегда делает именно так, потому что он любит правильный порядок, как и я. Еще, когда отец поднимается по лестнице, он шагает через две ступеньки и всегда начинает с правой ноги.

Мистер Дживонс сказал, что я очень умный мальчик.

Но это вовсе не означает, что я умный. Я просто замечаю, как происходят всякие вещи, и с умом это никак не связано. Это просто наблюдательность. А быть умным – это когда ты смотришь, как происходят события, и делаешь выводы. Или понимаешь что-то новое. Например, как расширяется Вселенная или кто совершил преступление. Или же ты составляешь шифр. Например, можно взять чье-нибудь имя, придать каждой букве порядковый номер по алфавиту ($a = 1$, $b = 2$ и т. д.), а потом сложить все эти числа вместе. И тогда можно увидеть, что иногда получаются простые числа, вроде Гилберт Кийт Честертон (271) или Дональд Дак (103).

Мистер Дживонс спросил, верно ли он понимает, что я чувствую себя комфортно, когда вещи располагаются в правильном порядке, и я сказал, что да.

Тогда он спросил меня, может быть, мне не нравится, когда что-то меняется. А я сказал, что вовсе не возражаю, что-

бы что-то менялось. Например, если все изменится так, что я сделаюсь космонавтом. Это одно из самых больших изменений, которые я могу себе представить. Сложнее представить только то, что я стал девочкой, и то, что я умер.

Он спросил, хочу ли я стать космонавтом, и я ответил: «Да».

Мистер Дживонс сказал, что стать космонавтом очень трудно, а я ответил, что я знаю. Для этого нужно сперва стать офицером военно-воздушных сил, и подчиняться приказам, и подготовиться к тому, что придется убивать других человеческих существ. А я не готов выполнять чужие приказы. И еще у меня нет стопроцентного зрения, которое необходимо пилоту. Но я сказал, что можно хотеть чего-то, даже если знаешь, что это вряд ли случится.

Терри, старший брат Френсиса, который учится в нашей школе, сказал, что лучшая работа, на которую я могу рассчитывать, – это собирать тележки в супермаркете или чистить конюшни. И что никто не позволит всяким припадочным водить ракеты, которые стоят миллиарды фунтов. Когда я рассказал все это отцу, он сказал, что Терри просто завидует, потому что я умнее его. На самом деле это не факт, потому что мы не соревновались. Но Терри и правда глупый, так что *quod erat demonstrandum*. Это на латыни, и это значит: *что и требовалось доказать*. То есть: *это утверждение, которое доказано*.

Я не припадочный. Припадочный – это когда у человека

бывают конвульсии и спазмы. Френсис – припадочный. Если я и не стану космонавтом, то поступлю в университет и буду изучать математику, или физику, или физико-математические науки (как в высшей школе), потому что я люблю физику и математику и хорошо их знаю. Но Терри в университет не пойдет. Отец говорит, больше похоже на то, что Терри закончит тюрьмой.

У Терри есть татуировка на предплечье в форме сердечка с воткнутым в середину ножом.

Но я сделал отступление, а теперь хочу вернуться к тому факту, что это был **хороший день**.

Поскольку это был **хороший день**, я решил, что попытаюсь выяснить, кто убил Веллингтона, так как **хороший день** – это день для планирования всяких вещей и разных проектов.

Когда я рассказал об этом Шивон, она сказала:

– Что ж, мы сегодня как раз собирались заняться сочинением, так почему бы тебе не описать, как ты нашел Веллингтона и попал в участок.

И вот тогда я начал все это писать.

А Шивон сказала, что поможет мне с правописанием, грамматикой и сносками.

Мать умерла две недели спустя.

Я не ездил к ней в больницу, но отец покупал много разной еды в «Марке и Спенсере». Он говорил, что она выглядит нормально и, кажется, ей лучше. Еще отец говорил, что она посылает мне поцелуи и поставила мою открытку на столик рядом с кроватью. Открытка ей очень понравилась.

На открытке были машинки. Она выглядела вот так:

Я ее сделал вместе с миссис Питерс, которая преподает у

нас в школе рисование. Это был оттиск. Это когда ты рисуешь картинку на куске линолеума, а миссис Питерс вырезает ее по контуру. Потом ты красишь линолеум чернилами и оттискиваешь на бумаге. Вот почему все машинки выглядят одинаково. Я нарисовал одну машинку и оттиснул ее на бумаге 9 раз. Миссис Питерс предложила сделать много машинок, и мне понравилась эта идея. А потом я выкрасил все машинки в красный цвет, и это обозначало **очень-очень хороший день**.

Отец сказал, что она умерла от сердечного приступа, которого никто не предвидел.

Меня это удивило, и потому я спросил:

– От какого сердечного приступа?

Матери было всего 38 лет, а сердечные приступы обычно случаются у старых людей. Мать всегда вела очень активный образ жизни. Она каталась на велосипеде и ела здоровую пищу – то есть такую, где было много клетчатки и мало жира, вроде курицы, овощей или мюсли.

Отец сказал, что не знает, какой именно у нее был сердечный приступ, и что сейчас не время для подобных вопросов.

А я предположил, что у матери была аневризма.

Сердечный приступ – это когда к некоторым из сердечных мышц перестает поступать кровь и они погибают. Существует два основных типа сердечного приступа. Первый – это эмболия. Такое случается, когда плотный кровяной сгусток закупоривает один из сосудов, подводящих кровь к сердечным

мышцам. Этого можно избежать, если постоянно принимать аспирин и есть много рыбы. У эскимосов никогда не будет такого приступа. Они едят много рыбы, а рыба препятствует сгущению крови. Но зато если эскимос сильно порежется, то может изойти кровью до смерти, потому что она будет плохо сворачиваться.

Но аневризма – это другое. Так бывает, когда кровеносный сосуд разрывается и кровь не может дойти до сердца, потому что она вытекает раньше. У некоторых людей бывает аневризма, потому что в каком-то из кровеносных сосудов оказывается слабый участок и он прорывается. Так случилось с миссис Хардисти, которая жила в доме № 72 на нашей улице. У нее был слабый участок в кровеносном сосуде на шее, и она умерла, повернув голову, когда вела машину задним ходом и пыталась понять, поместится ли она на стоянке.

С другой стороны, у матери могла быть и эмболия, потому что кровь начинает сворачиваться гораздо быстрее в том случае, если вы долгое время пребываете в лежачем положении. Например, когда лечитесь в больнице.

Отец сказал:

– Мне очень жаль, Кристофер. Мне действительно жаль. Но это была не его вина.

Потом пришла миссис Ширз и приготовила нам ужин. На ней были сандалии, джинсы и футболка с надписью «ВИНДСЁРФИНГ» и «КОРФУ». И еще на футболке была картинка с изображением сёрфера.

Отец сидел, а миссис Ширз стояла около него и прижимала его голову к своей груди. Она говорила:

– Брось, Эд. Все будет хорошо.

Потом она приготовила спагетти с томатным соусом.

А после ужина мы играли с ней в слова, и я выиграл со счетом 247:134.

Я решил, что выясню, кто убил Веллингтона, хотя отец велел мне не соваться в чужие дела.

Это потому, что я не всегда делаю то, что мне велят. И потому, что очень часто люди объясняют тебе, что именно нужно делать, но это непонятно и не имеет смысла.

Например, люди говорят: «Не шуми», но неясно, как долго нельзя шуметь. Или же ты видишь табличку, где написано: «ТОПТАТЬ ТРАВУ ЗАПРЕЩЕНО», но следовало бы написать: «ЗАПРЕЩЕНО ТОПТАТЬ ТРАВУ ВОКРУГ ЭТОЙ ТАБЛИЧКИ» или: «ЗАПРЕЩЕНО ТОПТАТЬ ТРАВУ ВО ВСЕМ ПАРКЕ», поскольку есть еще много разных мест, где ходить по траве не возбраняется.

Вдобавок люди все время нарушают правила. Например, отец всегда ездит со скоростью больше 30 миль в час в тридцатимильной зоне, а иногда садится за руль, когда выпьет, хотя этого тоже делать нельзя. И часто он не пристегивает ремень безопасности, когда водит машину.

А еще в Библии сказано: «Не убий», но ведь были же крестоносцы, и две мировые войны, и война в заливе, и везде действовали христиане, которые убивали людей.

И я не понимаю, что хочет сказать отец, когда велит мне не соваться в чужие дела. Я не понимаю, что он разумеет под чужими делами, поскольку я занимаюсь разными делами

вместе с другими людьми – в школе, в магазине, в автобусе, а работа отца – ходить по домам других людей и чинить их сантехнику и нагревательные приборы. И все это – чужие дела.

Шивон меня понимает. Когда она велит чего-то не делать, она четко формулирует, чего именно мне делать нельзя. И меня это устраивает.

Например, она однажды сказала:

– Ты никогда не должен бить Сару, даже если она стукнула тебя первой. Если она опять тебя ударит, отойди от нее, спокойно досчитай от одного до пятидесяти, потом подойди ко мне или к другому учителю и расскажи об этом.

В другой раз она сказала:

– Если ты хочешь покачаться на качелях, а они заняты, никогда не сталкивай с них людей. Ты должен сказать человеку, который на них сидит, что ты хочешь покачаться, а потом дожидаться, когда он слезет.

Но когда другие люди велят тебе что-то делать или не делать, они говорят это по-другому. Так что я сам для себя решил, что я буду делать, а чего не буду.

В тот вечер я подошел к дому миссис Ширз, постучал в дверь и дождался, пока она мне откроет.

Миссис Ширз держала в руках кружку с чаем. На ней были домашние тапки из овчины, и она смотрела по телевизору викторину. Я это понял, потому что телевизор был включен и я слышал голос ведущего:

«Столица Венесуэлы – это... а) Маракас, б) Каракас, в) Богота или же г) Джорджтаун».

И я знал, что ответ – Каракас.

Миссис Ширз сказала:

– Кристофер, по правде говоря, я не уверена, что хочу тебя видеть.

Я сказал:

– Я не убивал Веллингтона.

А она спросила:

– Что ты здесь делаешь?

Я ответил:

– Я решил прийти и сказать, что я не убивал Веллингтона.

И еще я хочу выяснить, кто это сделал.

У нее дрогнула рука, и немного чаю из кружки пролилось на ковер.

Я спросил:

– Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Она не ответила на мой вопрос. Вместо этого она сказала:

– До свидания, Кристофер. – И закрыла дверь.

Тогда я решил провести детективное расследование.

Я знал, что миссис Ширз стоит в холле и ждет, когда я уйду. Я видел ее сквозь матовое стекло передней двери. Так что я дошел до калитки и вышел на улицу. Затем я обернулся и увидел, что миссис Ширз ушла из холла. Я убедился, что никто за мной не наблюдает, перелез через стену и пошел через сад, который находится позади ее дома, к сараю, где

миссис Ширз хранит садовые инструменты.

Сарай оказался заперт. На двери висел замок, и потому я не мог попасть внутрь. Тогда я его обошел и заглянул в окошечко сбоку. Тут мне повезло. Когда я заглянул в окно, я сразу увидел вилы. Они выглядели точно так же, как вилы, которые торчали из Веллингтона. Они лежали на скамье около окна и были вычищены, поскольку на зубьях не оказалось крови. Я заметил еще разные инструменты: лопату, грабли и ножницы с длинными ручками, которые используют, чтобы подрезать ветки деревьев, растущие слишком высоко. И у них у всех были одинаковые рукоятки из зеленой пластмассы – такие же, как у вил. Это значит, что вилы, убившие Веллингтона, принадлежат миссис Ширз. Или, с другой стороны, это мог быть ложный посыл – то есть нечто, что кажется ключом к разгадке и может заставить сделать неверные выводы. Версия, которая представляется истинной, но на самом деле таковой не является.

Я задумался: может быть, миссис Ширз сама убила Веллингтона? Но если так, то почему она выскочила из дома, крича: «Что ты сделал с собакой?»

Я решил, что миссис Ширз, скорее всего, не убивала Веллингтона. Но кто бы это ни был, он почти наверняка убил его вилами миссис Ширз. А это значит, что у преступника был ключ от сарая миссис Ширз, или же что она оставила сарай незапертым, или что она забыла вилы где-то в саду.

Послышался шорох. Я обернулся и увидел, что миссис

Ширз стоит на лужайке и смотрит на меня.

Я сказал:

– Я хотел посмотреть, в сарае ли вилы.

А она ответила:

– Если ты сейчас же не уйдешь, я снова вызову полицию.

Так что я отправился домой.

Войдя в дом, я поздоровался с отцом и покормил крысу Тоби. Я был очень доволен собой, потому что я был детективом и расследовал преступление.

Миссис Форбс из нашей школы сказала, что, когда мать умерла, она отправилась в рай. Это потому, что миссис Форбс очень старая. Она носит тренировочные штаны и говорит, что они удобнее, чем обычные брюки. И у нее одна нога немного короче другой, потому что она попала в аварию на мотоцикле.

Но когда мать умерла, она не отправилась в рай, поскольку никакого рая не существует.

Муж миссис Питерс – викарий, и его надо называть «преподобный Питерс». Иногда он приходит в школу и разговаривает с нами, и однажды я спросил его, где находится рай. А он сказал:

– Рай – не в нашей Вселенной. Это всецело иное место.

Преподобный Питерс издает забавный шелкающий звук языком, когда думает. Еще он курит сигареты, и его дыхание пахнет ими, а мне это не нравится.

Я сказал, что вне нашей Вселенной не существует ничего и нет всецело иного места. Разве что такое место существует по ту сторону черной дыры, но черная дыра – это то, что называется парадокс. Никто не знает, что находится у нее с другой стороны, ведь гравитация черной дыры так велика, что даже электромагнитные волны не могут через нее проникнуть. А электромагнитные волны – это единственный

способ получить информацию о вещах, которые располагаются слишком далеко от нас. И если рай находится по другую сторону черной дыры, мертвых нужно запускать в космос на ракетах, а этого не происходит, иначе люди бы заметили.

Я думаю, люди верят в рай, потому что им не нравится идея смерти. Поскольку они хотят продолжать существование и им не нравится, что другие люди въедут в их дома и выкинут их вещи на свалку.

Преподобный Питерс сказал:

– Ну, когда я сказал, что рай находится вне Вселенной, это была фигура речи. На самом деле это означает, что все умершие живут рядом с Богом.

Я спросил:

– Но где находится Бог?

А преподобный Питерс сказал, что мы поговорим об этом в другой раз, когда у него будет побольше времени.

Что на самом деле происходит, когда ты умираешь? Твой мозг перестает работать, и твоя плоть разлагается, как это было с кроликом, когда он умер и мы похоронили его в дальнем углу сада. Его тело сгнило и распалось на мельчайшие частицы. Эти частицы съели черви, а потом их вобрали в себя растения. И если через 10 лет мы придем и раскопаем землю на этом месте, то не найдем ничего, кроме скелета. А через 1000 лет даже скелет исчезнет. Но я не расстраиваюсь, потому что теперь этот кролик станет частью цветов, и яблоки, и куста боярышника.

Когда человек умирает, его обыкновенно кладут в гроб, и это означает, что он долгое время не смешается с землей – до тех пор, пока не сгниет дерево гроба.

Но мать была кремирована. Это означает, что ее положили в гроб и сожгли и ее тело превратилось в дым и пепел. Я не знаю, что потом происходит с прахом, и я не мог спросить об этом в крематории, потому что я не ходил на похороны. Но я знаю, что дым вышел из трубы и перемешался с воздухом. Иногда я смотрю в небо и думаю, что там, наверху, есть частицы матери. Они плавают вместе с облаками над Африкой или Антарктикой, или льются с дождем на леса Бразилии, или падают в виде снега где-нибудь еще.

Следующий день был суббота, а по субботам особенно нечего делать. Иногда мы с отцом ходим гулять или катаемся на лодке по озеру, но в эту субботу Англия играла с Румынией в футбол, и это значило, что мы не пойдём на прогулку, потому что отец хотел посмотреть матч по телевизору. Так что я решил заняться расследованием.

Я собирался расспросить людей, которые жили на нашей улице, потому что они могли знать, кто убил Веллингтона, или же видели что-нибудь необычное в четверг вечером.

Я не часто общаюсь с незнакомыми людьми. Я не люблю разговаривать с чужими, и вовсе не из-за опасных незнакомцев, о которых нам рассказывали в школе. Это когда чужой человек угощает тебя конфетами или предлагает прокатиться на его машине, потому что хочет заняться с тобой сексом. Но об этом я не беспокоюсь. Если незнакомец ко мне прикоснется, я его ударю, а ударить я могу человека очень сильно. Например, однажды я стукнул Сару, потому что она дергала меня за волосы. Она потеряла сознание, и у нее было сотрясение мозга, и ее пришлось отвезти в больницу. И еще я постоянно ношу в кармане свой армейский нож, а там лезвие-пила, которым можно отрезать человеку палец.

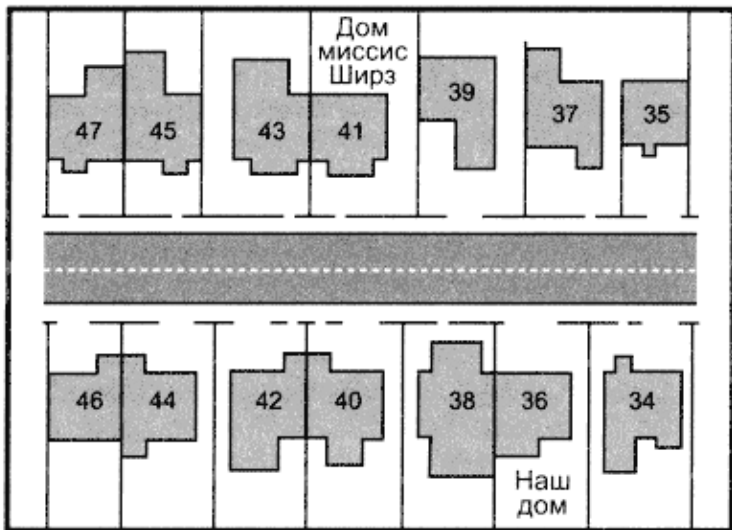
Я не разговариваю с незнакомцами, потому что мне не нравятся люди, которых я раньше никогда не встречал. Это

как с Францией. Мы ездили туда в отпуск, когда мать была еще жива. И я ненавижу эту Францию, потому что, когда идешь в магазин, или в ресторан, или на пляж, ты не можешь понять, что говорят люди, и это пугает.

Обыкновенно мне нужно очень много времени, чтобы привыкнуть к человеку, которого я раньше не знал. Например, когда в нашей школе появляется новый ученик, я не разговариваю с ним несколько недель. Я просто смотрю на него, пока не убеждаюсь, что он безопасен. Тогда я задаю вопросы – вроде того, есть ли у него домашние животные, какой его любимый цвет и что он знает о космической миссии «Аполлона». Я прошу нарисовать план дома, где он живет, спрашиваю, есть ли у них машина, и если да, то какая. Так я постепенно узнаю его. Тогда я больше не возражаю, чтобы мы находились в одной комнате, и мне уже не обязательно постоянно за ним наблюдать.

Поэтому пообщаться с чужими людьми для меня было смелым решением. Но если ты детектив и ведешь расследование, то приходится совершать смелые поступки. Так что у меня не было выбора.

Прежде всего я нарисовал план нашего отрезка улицы, которая называется Рэндольф-стрит. Вот такой:

Потом я удостоверился, что мой армейский нож лежит в кармане, вышел на улицу и постучал в дверь дома № 40, который находится напротив дома миссис Ширз. Это значит, что там, вернее всего, могли что-то видеть или слышать. Людей, которые жили в доме № 40, звали Томпсоны.

Мистер Томпсон открыл дверь. На нем была футболка с надписью:

Пиво. Помогает уродливым людям находить сексуальных партнеров. Вот уже 2000 лет.

Мистер Томпсон сказал:

– Что угодно?

Я спросил:

– Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Я не смотрел ему в лицо. Я не люблю смотреть людям в лицо, особенно если я их не знаю. Несколько секунд мистер Томпсон молчал.

Потом он спросил:

– Ты кто?

Я ответил:

– Я Кристофер Бун из дома № 36, и я вас знаю. Вы мистер Томпсон.

Он сказал:

– Я брат мистера Томпсона.

А я спросил:

– Вы знаете, кто убил Веллингтона?

Он сказал:

– Что еще за хренов Веллингтон?

Я ответил:

– Это собака миссис Ширз из дома № 41.

Он спросил:

– Кто-то убил ее собаку?

Я сказал:

– Вилами.

Он сказал:

– Господи боже мой!

Я объяснил:

– Садовыми вилами, – на случай, если он не понял. И спросил: – Вы не знаете, кто это сделал?

Он ответил:

– Не имею ни малейшего представления.

А я спросил:

– Вы не видели ничего подозрительного в четверг вечером?

Он сказал:

– Слушай, сынок, ты уверен, что тебе стоит здесь болтаться и задавать подобные вопросы?

Я сказал:

– Да, потому что я хочу выяснить, кто убил Веллингтона, и я пишу об этом книгу.

А он сказал:

– Ну, в четверг я был в Колчестере, так что ты пришел не по адресу.

Я сказал:

– Спасибо, – и ушел.

В доме № 42 мне никто не открыл.

Я видел людей, которые жили в доме № 44, но не знал, как их зовут. Они были чернокожие – мужчина и женщина, и у них было двое детей, мальчик и девочка. Дверь открыла женщина. На ней были ботинки, похожие на армейские, а на запястье пять браслетов из какого-то серебристого металла, и они звенели.

Женщина сказала:

– Ты Кристофер, верно?

Я ответил, что да, и спросил, не знает ли она, кто убил Веллингтона. Леди знала, кто такой Веллингтон, так что мне не пришлось это объяснять, и она слышала, что он погиб.

Я спросил, не видела ли она чего-нибудь подозрительного в четверг вечером – такого, что могло бы дать ключ к разгадке.

Она спросила:

– Чего, например?

И я сказал:

– Например, чужих. Или как кто-нибудь ссорится.

Она сказала, что нет.

Потом я решил сделать то, что называется *перевести разговор в другое русло*, и спросил, не знает ли она кого-нибудь, кто хотел бы огорчить миссис Ширз.

И она сказала:

– Возможно, тебе стоит спросить об этом у своего отца.

А я объяснил, что не могу спросить отца, так как расследование тайное. Потому что отец велел мне не соваться в чужие дела.

Леди сказала:

– Что ж, может, он и прав, Кристофер.

Я спросил:

– Так вы ничего не знаете?

И она сказала:

– Нет. – А потом прибавила: – Будь поосторожнее, юноша.

Я сказал, что буду осторожен, поблагодарил ее за помощь и пошел к дому № 43, который находится рядом с домом миссис Ширз.

В доме № 43 жили мистер Уайз и мать мистера Уайза, которая сидит в инвалидном кресле, почему мистер Уайз и живет с ней. Он ходит в магазин и возит свою мать на прогулки.

Мистер Уайз открыл дверь. От него пахло телом, старыми бисквитами и попкорном – так будешь пахнуть, если долгое время не мыться. Так пахнет Джексон из нашей школы, потому что у него бедная семья.

Я спросил мистера Уайза, не знает ли он, кто убил Веллингтона в четверг ночью.

Он сказал:

– Черт возьми, полицейские становятся все моложе, верно?

Потом он засмеялся. Мне не нравятся люди, которые надо мной смеются, так что я повернулся и пошел оттуда.

Я не стал стучаться в дверь дома № 38, который рядом с нашим домом, потому что люди, которые там живут, принимают наркотики. Отец велел, чтобы я никогда с ними не разговаривал, и я не разговариваю. Они часто включают громкую музыку по ночам, и я пугаюсь, когда вижу кого-нибудь из них на улице. И на самом деле этот дом им не принадлежит.

Потом я заметил старую леди, которая живет в доме № 39, с другой стороны от дома миссис Ширз. Она в саду перед до-

мом подравнивала живую изгородь электрической машиной для стрижки кустов. Я знал, что старую леди зовут миссис Александер и у нее есть собака. Такса. Поэтому я подумал, что миссис Александер – хороший человек, раз она любит собак. Но собаки с ней во дворе не было. Она осталась в доме.

На миссис Александер были джинсы и кроссовки, хотя старые люди обычно такого не носят. Джинсы – с пятном, а кроссовки – фирмы New Balance, с красными шнурками.

Я подошел к миссис Александер и спросил:

– Вы знаете что-нибудь о смерти Веллингтона?

Она выключила свою машину и ответила:

– Повтори-ка, что ты сказал. Я, видишь ли, немного глуховата.

Я повторил:

– Вы знаете что-нибудь о смерти Веллингтона?

Она ответила:

– Я слышала об этом вчера. Ужасно. Ужасно.

Я спросил:

– Вы знаете, кто его убил?

А она сказала:

– Нет, не знаю.

Я сказал:

– Кто-то должен что-нибудь знать, потому что человек, который убил Веллингтона, знает, что он это сделал. Разве что он сумасшедший и сам не понял, что произошло. Или у

него амнезия.

Она ответила:

– Что ж, я думаю, ты прав.

Я сказал:

– Спасибо вам за помощь в моем расследовании.

А она спросила:

– Ты ведь Кристофер, верно?

Я сказал:

– Да. Я живу в доме № 36.

Она еще спросила:

– Мы ведь раньше не разговаривали, да?

Я сказал:

– Нет. Я не люблю разговаривать с чужими людьми. Но я провожу детективное расследование.

А она сказала:

– Я каждый день тебя вижу, когда ты идешь в школу.

Я на это не ответил.

Тогда она сказала:

– Очень мило с твоей стороны прийти поболтать со мной.

На это я тоже не ответил, поскольку то, что делала миссис Александер, называется беседой. Это когда люди говорят друг другу вещи, которые не являются вопросами и могут быть никак не связаны друг с другом.

Потом она прибавила:

– Даже если ты проводишь детективное расследование.

И я сказал:

– Еще раз спасибо.

Я уже собирался повернуться и уйти, когда она сказала:

– У меня есть внук твоего возраста.

Тогда я попытался тоже заняться *беседой* и сказал:

– Мне 15 лет, 3 месяца и 3 дня.

А она ответила:

– Ну, почти твоего возраста.

Потом мы некоторое время молчали, пока она не сказала:

– У тебя ведь нет собаки?

И я ответил:

– Нет.

Она сказала:

– Тебе, наверное, хотелось бы иметь собаку?

А я ответил:

– У меня есть крыса.

Она переспросила:

– Крыса?

Я сказал:

– По имени Тоби.

А она сказала:

– О...

Тогда я сказал:

– Большинство людей не любят крыс, поскольку думают, что они разносят заразу – какую-нибудь бубонную чуму. Но это только если они живут в канализации или приходят с кораблей, которые приплывают из разных стран, где есть вся-

кие чужие болезни. На самом деле крысы очень чистоплотные. Тоби всегда умывается. И его не нужно выводить на прогулку. Я просто позволяю ему бегать по моей комнате, и это для него зарядка. А иногда он сидит у меня на плече или прячется ко мне в рукав, как в нору. Но в природе крысы не живут в норах.

Миссис Александер спросила:

– Может, зайдешь на чашечку чаю?

А я сказал:

– Я не захожу в дома к чужим людям.

Тогда она сказала:

– Ну, я могла бы принести что-нибудь сюда. Ты любишь лимонный сок?

Я ответил:

– Я люблю только апельсиновый сок.

И она сказала:

– К счастью, апельсиновый у меня тоже есть. А как насчет баттенберга?

А я ответил:

– Не знаю. Потому что я не знаю, что такое баттенберг.

Миссис Александер сказала:

– Это такое пирожное. В середине у него четыре квадрата – два желтых и два розовых, а вокруг посыпано марципаном.

И я спросил:

– Это длинное пирожное с квадратным поперечным се-

чением, которое разделено на альтернативно покрашенные квадраты равного размера?

А она ответила:

– Да. Наверное, можно описать его и таким образом.

Я сказал:

– Я думаю, мне понравились бы розовые квадраты, но не желтые, потому что я не люблю желтый цвет. И я не знаю, что такое марципан, поэтому я не знаю, нравится ли он мне.

Она сказала:

– Боюсь, марципан тоже желтого цвета. Может, лучше вместо этого принести печенья? Ты любишь печенье?

Я сказал:

– Да. Некоторые сорта.

Она сказала:

– Я что-нибудь выберу.

Потом миссис Александер повернулась и ушла в дом. Она двигалась очень медленно, потому что была уже старая. Она оставалась в доме более 6 минут, и я начал нервничать, потому что не знал, что она там делает. Я не мог быть уверен, что она говорила правду насчет апельсинового сока и баттенберга. И я подумал, что она может позвонить в полицию, и тогда у меня будут очень серьезные неприятности, потому что мне уже один раз вынесли предупреждение.

Так что я ушел.

И пока я шел по улице, меня осенило, кто мог убить Веллингтона. Я составил цепь **причинно-следственных свя-**

зей у себя в голове, и вот как это выглядело:

1. Зачем убивать собаку?

a. Потому что вы ненавидите эту собаку.

b. Потому что вы сумасшедший.

c. Потому что вы хотели огорчить миссис Ширз.

2. Я не знаю никого, кто ненавидел бы Веллингтона, так что если это а), значит, это сделал кто-то чужой.

3. Я не знаю сумасшедших, так что если это б), то это тоже, скорее всего, кто-то чужой.

4. Большинство преступлений совершаются тем, кто знаком с жертвой. Вас гораздо вернее убьет родственник или знакомый, чем совсем чужой человек. Это факт. И поэтому, скорее всего, Веллингтон был убит кем-то, кто его знал.

5. Таким образом, если это с), то я знаю только одного человека, который не любил миссис Ширз. Это был мистер Ширз, который, несомненно, очень хорошо знал Веллингтона.

Это означало, что мистер Ширз является **основным подозреваемым**.

Мистер Ширз был женат на миссис Ширз, и они жили вместе, но два года назад мистер Ширз уехал и обратно не вернулся. Вот почему после смерти матери миссис Ширз часто приходила к нам и готовила нам еду. Потому что ей не приходилось готовить для мистера Ширза и не нужно было оставаться дома и быть его женой. И еще отец сказал, что ей

необходима компания, потому что она не хочет оставаться одна.

А иногда миссис Ширз оставалась у нас на ночь, и мне это нравилось, потому что она мыла посуду и расставляла кастрюли и банки на полках в правильном порядке. Она всегда ставила их так, чтобы этикетки были повернуты наружу. И всегда клала ножи, вилки и ложки в соответствующие отделения кухонных ящиков. Правда, она курила сигареты и говорила много непонятных вещей. Например: «Я собираюсь завалиться спать», или: «Там снаружи такой дубняк», или: «Давайте-ка слегка перекусим». И это мне не нравилось, потому что я не понимал, что она имеет в виду.

Я не знаю, почему мистер Ширз покинул миссис Ширз, поскольку никто мне этого не объяснил. Когда вы женитесь, это происходит потому, что вы хотите жить вместе и иметь детей. А если вы обвенчались в церкви, вам пришлось пообещать, что вы останетесь вместе, пока смерть не разлучит вас. Но если вы не хотите жить вместе, вам нужно развестись. Так бывает, если один из вас занимался сексом с кем-то другим или если вы часто ссоритесь, и ненавидите друг друга, и не желаете жить в одном доме и иметь детей. А мистер Ширз не хотел жить в одном доме с миссис Ширз, так что он, возможно, ее ненавидел. Потому что он мог вернуться и убить собаку, чтобы заставить ее грустить.

Я решил попытаться узнать как можно больше о мистере Ширзе.

Все мои одноклассники в школе глупые. Вообще-то я не имел в виду, что они дураки, хотя так оно и есть. Я имел в виду, что у них есть проблемы с обучением или особые нужды. Вообще, проблемы с обучением бывают у всех, потому что изучать французский язык или теорию относительности достаточно непросто. И много у кого есть особые нужды. Например, у отца есть маленький пакет таблеток, которые заменяют сахар, и он кладет их в кофе, чтобы не толстеть. А миссис Питерс носит слуховой аппарат телесного цвета. А у Шивон такие толстые очки, что если их надеть и попытаться смотреть через них, то заболит голова. Люди не обязательно неполноценные, если у них есть особые нужды.

Но Шивон сказала, что нам следует употреблять эти слова, потому что таких детей, какие учатся в нашей школе, люди часто называют ущербными, или уродами, или идиотами, а это очень нехорошие слова. Но это тоже не помогает, потому что иногда дети из другой школы, которая находится дальше по дороге, видят нас на улице и кричат: «Спецшкола! Спецшкола!» Но я никогда не обращаю на них внимания, потому что я не слушаю, что говорят другие. Палки и камни могут переломать тебе кости, а слова – нет. А на тот случай, если кто-то захочет меня ударить, у меня есть армейский нож. И если я убью того, кто будет меня бить, это будет

называться самообороной и меня не посадят в тюрьму.

Еще я намереваюсь доказать, что я не глупый. В следующем месяце я собираюсь сдать экзамен на уровень А по математике и получить степень А. Раньше в нашей школе никто не сдавал на уровень А, и наша директриса, миссис Гаскойн, не хочет, чтобы я это делал. Она сказала, что не имеет права позволять нам сдавать такие экзамены. Отец поспорил об этом с миссис Гаскойн, но она была непреклонна. Миссис Гаскойн сказала, что не станет относиться ко мне иначе, чем к остальным детям, поскольку тогда все другие тоже захотят, чтобы к ним относились иначе, так как это будет прецедент. И я смогу получить степень А позже, когда мне исполнится 18 лет.

Когда миссис Гаскойн все это говорила, я сидел у нее в кабинете вместе с отцом. И отец сказал:

– Кристоферу и так хреново, вам не кажется? Без того, чтобы вы поливали его грязью. Боже, ведь математика – единственное, в чем он действительно хорош.

Тогда миссис Гаскойн ответила, что они с отцом поговорят об этом позже, между собой. Но отец спросил, означает ли это, что она хочет сказать вещи, которые постесняется говорить при мне. Миссис Гаскойн ответила, что нет, и отец сказал:

– Тогда говорите сейчас.

И она объяснила, что, если я сдам на уровень А, школе придется выделить для меня преподавателя, которому при-

дется работать со мной отдельно. А отец сказал, что он заплатит ему дополнительно 50 фунтов – и мы можем заниматься с ним после уроков, и он не желает слышать отказ. Миссис Гаскойн сказала, что ей нужно это обдумать. И на следующей неделе она позвонила отцу и сказала, что я могу сдавать на уровень А и преподобный Питерс будет принимать у меня экзамен.

И когда я сдам экзамен уровня А по математике, я собираюсь сдавать экзамен уровня А по высшей математике и физике. А потом я поступлю в университет. В нашем городе Суиндоне университета нет, потому что он маленький. Так что нам придется переехать в другой город, где есть университет, поскольку я не хочу жить сам по себе или в общежитии с другими студентами. Но все будет хорошо, потому что отец тоже хочет переехать в другой город. Он иногда говорит всякие вещи вроде: «Нам нужно выбраться из этого городишки, малыш» или: «Суиндон – это жуткая дыра».

И затем, когда я получу степень по математике или по физике, я сумею найти себе работу и стану получать много денег. Тогда я найду себе кого-нибудь, кто будет обо мне заботиться, готовить еду и стирать одежду. Или же я найду леди, которая выйдет за меня замуж и станет моей женой. Тогда она сможет заботиться обо мне, так что у меня появится компания и я буду не один.

Я иногда думаю, что мать и отец могли бы развестись. Это потому, что они часто спорили и ругались друг с другом. Так иногда происходит, когда приходится приглядывать за кем-то, у кого много *поведенческих проблем*, как у меня. У меня много поведенческих проблем, но сейчас уже меньше, чем раньше, поскольку я вырос и могу сам принимать решения и делать разные вещи самостоятельно. Например, я теперь могу один выходить из дому и делать покупки в магазине, который находится в конце улицы.

Вот некоторые из моих поведенческих проблем.

А. Я могу долгое время не разговаривать с людьми⁴.

Б. Я могу долгое время ничего не есть и не пить⁵.

В. Я не люблю, когда ко мне прикасаются.

Г. Я начинаю кричать, когда злюсь или растерян.

Д. Я не могу находиться в небольших помещениях вместе с другими людьми.

Е. Я ломаю вещи, когда злюсь или растерян.

Ё. Я стенаю.

Ж. Я не люблю желтых и коричневых вещей и отказыва-

⁴ Однажды я ни с кем не разговаривал 5 недель.

⁵ Когда мне было 6 лет, мать дала мне детского питания с земляничным вкусом. Оно было налито в мерный стакан, и мы соревновались, чтобы понять, как быстро я смогу выпить четверть литра.

уюсь прикасаться к желтым или коричневым предметам.

З. Я отказываюсь пользоваться своей зубной щеткой, если ее кто-то трогал.

И. Я отказываюсь есть, когда разные виды еды соприкасаются друг с другом.

Й. Я не замечаю, когда другие сердятся на меня.

К. Я не улыбаюсь.

Л. Я говорю такие вещи, которые другие считают грубостью⁶.

М. Я делаю глупости⁷.

Н. Я могу ударить другого человека.

О. Я ненавижу Францию.

П. Я езжу на маминой машине⁸.

Р. Я не разрешаю передвигать мебель⁹.

⁶ Люди утверждают, что нужно всегда говорить только правду. Но на самом деле это не так, поскольку нельзя, например, говорить старым людям, что они старые. Еще нельзя говорить людям, что от них плохо пахнет, когда кто-то, например, пукнул. И еще нельзя говорить человеку: «Ты мне не нравишься», даже если он кажется тебе просто отвратительным.

⁷ Глупость – это, например, вывалить масло из масленки на кухонный стол и размазать его ножом так, чтобы оно покрыло весь стол равномерным слоем. Или подогревать вещи над газовой плитой, чтобы посмотреть, что с ними будет, – например, мои ботинки, серебряную вилку или сахар.

⁸ На самом деле это случилось только один раз, когда мать уехала в город на автобусе. Тогда я взял ключи. Но я не умел водить машину, потому что мне было 8 лет и 5 месяцев. Так что я врезался в стену. А теперь этой машины здесь больше нет, поскольку мать умерла.

⁹ Я не возражаю, если кто-нибудь двигает стол или стулья на кухне, потому что это другое дело. Но меня раздражает, когда передвигают диван и кресла в

Иногда, когда я делал что-то из этого, мать и отец очень сердились. Они кричали на меня или кричали друг на друга. Иногда отец говорил:

– Кристофер, если ты не будешь вести себя прилично, я тебя выпорю.

Или мать говорила:

– Кристофер, я думаю, стоило бы засадить тебя дома.

Или же мать говорила:

– Ты меня в могилу сведешь.

гостиной или в столовой. Мать однажды это сделала, когда захотела сменить обстановку. Но я нарисовал план дома и потому точно знал, что где должно стоять. И потом я передвинул все как было, и мне стало гораздо лучше. А с тех пор как умерла мать, отец больше никогда ничего не двигал. А миссис Ширз однажды попыталась сделать перестановку, но я начал стелать, и она накричала на отца. И больше никто никогда ничего не двигал.

Когда я пришел домой, отец сидел на кухне и готовил мне ужин. На нем была клетчатая рубашка. На ужин были бобы, брокколи и два ломтя ветчины, они все лежали в разных тарелках и не соприкасались друг с другом.

Он спросил:

– Где ты был?

И я сказал:

– Гулял.

Это была белая ложь. Белая ложь – она и не ложь вовсе. Это когда вы говорите правду, но не всю. Например, когда тебя спрашивают: «Что ты собираешься сегодня делать?» – ты отвечаешь: «Пойду рисовать к миссис Питерс». Ты не говоришь: «Я позавтракаю, схожу в туалет, порисую с миссис Питерс, после школы приду домой, покормлю Тоби, поужинаю, поиграю в компьютер и лягу спать». И я сказал белую ложь, поскольку знал, что отец не хочет, чтобы я был детективом.

Отец сказал:

– Мне только что звонила миссис Ширз.

Я начал есть бобы, брокколи и ветчину.

Потом отец спросил:

– Какого дьявола ты лазил к ней в сад?

Я ответил:

– Я проводил расследование, чтобы узнать, кто убил Веллингтона.

Отец сказал:

– Сколько раз тебе повторять, Кристофер?

Бобы, брокколи и ветчина были холодными, но я не обращал на это внимания. Я ем очень медленно, и потому моя еда почти всегда успевает остыть.

Отец сказал:

– Я велел тебе не соваться в чужие дела.

Я ответил:

– Я думаю, Веллингтона мог убить мистер Ширз.

Отец промолчал.

А я сказал:

– Он основной подозреваемый. Я думаю, что Веллингтона могли убить для того, чтобы огорчить миссис Ширз. А преступник, как правило, оказывается кем-то из своих...

Тут отец ударил кулаком по столу так сильно, что тарелки, нож и вилка подпрыгнули, а моя ветчина разлетелась в разные стороны, и один ломтик упал на брокколи. Так что я больше не мог есть ни ветчину, ни брокколи.

Потом он закричал:

– Я не желаю слышать это имя в своем доме!

Я спросил:

– Почему?

А он сказал:

– Потому что этот человек – злой.

Я спросил:

– Разве это не значит, что он мог убить Веллингтона?

Отец схватился руками за голову и сказал:

– Боже ты мой!

Я видел, что отец сердит, и потому сказал:

– Я знаю, что ты велел мне не соваться в чужие дела, но миссис Ширз – не чужая. Она наш друг.

Отец ответил:

– Она нам больше не друг.

А я спросил:

– Почему?

Отец сказал:

– Так, Кристофер, я говорю это в последний раз и больше повторять не стану. Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, ради всего святого! Смотри на меня! Ты больше не будешь спрашивать миссис Ширз, кто убил ее треклятую собаку. Ты не будешь никого расспрашивать о том, кто убил эту треклятую собаку. Ты не будешь лазать по чужим садам. И ты прекратишь эту идиотскую игру в детектива.

Я промолчал.

Отец сказал:

– Я собираюсь взять с тебя слово, Кристофер. И ты знаешь, что это означает.

Я знаю, что такое дать слово. Это когда ты обещаешь кому-то, что больше не будешь делать то или это. И потом ты никогда этого не делаешь, поскольку иначе слово будет ло-

жью. Я ответил:

– Знаю.

А отец сказал:

– Дай слово, что ты перестанешь всем этим заниматься.
Дай слово, что отныне ты прекратишь свою идиотскую игру.

Ну?

И я сказал:

– Даю слово.

Я думаю, из меня получился бы очень хороший космонавт.

Для того чтобы стать хорошим космонавтом, нужно быть умным, а я умный. Еще нужно разбираться в том, как работают разные машины, и я разбираюсь. А еще такой человек должен быть готов оставаться один в крошечном помещении в тысячах и тысячах миль от поверхности Земли и не запаниковать, не подвергнуться клаустрофобии, не затосковать по дому и не сойти с ума. А мне очень нравятся по-настоящему маленькие помещения, пока там нет никого, кроме меня. Иногда, когда я хочу побыть один, я залезаю в сушильный шкаф в ванной, забираюсь под котел и закрываю за собой дверь. Я сижу там часами и думаю о разных вещах, и от этого мне делается очень спокойно.

Так что если я стану космонавтом, то полечу на космическом корабле, и там не будет никого, кроме меня. И еще там не будет ничего желтого и коричневого.

Я смогу разговаривать с людьми из Центра управления полетом, но мы будем общаться при помощи радиосвязи или телевидения, а это совсем не то, что реальные незнакомые люди рядом со мной, а скорее похоже на компьютерную игру.

Еще я не стану тосковать по дому, потому что вокруг будет множество разных вещей, которые мне нравятся, – вро-

де машин и компьютеров. А за стенами корабля будет безвоздушное пространство. И я буду выглядывать в маленькое окошко корабля и знать, что в тысячах и тысячах миль от меня больше никого нет. Именно это я иногда воображаю летом, когда лежу ночью на траве, поставив ладони по бокам от лица, и смотрю в небо. Тогда мне не видно ни забора, ни дымовой трубы, ни веревки для белья, и я представляю, будто я в космосе.

И все, что я вижу, – это звезды. А звезды – это места, где миллиарды лет назад появились молекулы и зародилась жизнь. Например, все железо, которое содержится у человека в крови и препятствует возникновению малокровия, образовалось на звездах.

И еще мне бы хотелось взять с собой в космос Тоби. Я думаю, что мне даже могли бы это позволить, поскольку животных иногда берут в космос для разных экспериментов. И если я сумел бы придумать хороший эксперимент, который можно провести в космосе с крысой так, чтобы не навредить ей, то я бы убедил всех позволить мне взять с собой Тоби.

Но если б даже и не позволили, то я бы все равно полетел. Потому что это будет то, что называется воплощение мечты.

На следующий день в школе я рассказал Шивон, что отец запретил мне заниматься расследованием, а это означает, что моя книга окончена. Я показал ей страницы, которые уже написал, – с изображением Вселенной, планом улицы и таблицей простых чисел. А Шивон ответила, что это не страшно. Она сказала, что моя книга очень хорошая и я могу ею гордиться. И существуют короткие книги, которые тем не менее хороши. Например, «Сердце тьмы» Конрада.

Но я ответил, что моя книга не настоящая, потому что у нее нет окончания. Я ведь так и не выяснил, кто убил Веллингтона, так что преступление осталось нераскрытым.

А Шивон сказала, что у меня всё как в жизни. Потому что в жизни многие преступления остаются нераскрытыми и не всех преступников ловят. Например, Джека-потрошителя.

Но, сказал я, мне не нравится, что преступление не раскрыто. И еще мне не нравится думать, что человек, убивший Веллингтона, возможно, живет где-нибудь поблизости, и не исключено, что я столкнусь с ним, когда выйду ночью на прогулку. А это вполне возможно, поскольку преступление обычно совершается человеком, который был знаком с жертвой.

И я сказал:

– Отец велел мне больше никогда не упоминать в нашем

доме имени мистера Ширза, потому что это злой человек. И я думаю, что он мог убить Веллингтона.

Шивон сказала:

– Может быть, твой отец просто не очень-то жалуется мистера Ширза.

А я спросил:

– Почему?

И она сказала:

– Не знаю, Кристофер. Я не могу ответить, потому что ничего не знаю о мистере Ширзе.

Я объяснил:

– Мистер Ширз был женат на миссис Ширз, а потом оставил ее, как бывает, когда люди разводятся. Но я не знаю, действительно ли они разведены.

И Шивон сказала:

– Ну, вы дружите с миссис Ширз, не так ли? Ты и твой отец. Может быть, поэтому твой отец не любит мистера Ширза, раз он бросил миссис Ширз. То есть сделал что-то плохое по отношению к вашему другу.

А я ответил:

– Отец сказал, что миссис Ширз нам больше не друг.

И Шивон сказала:

– Мне очень жаль, Кристофер. Я бы рада была ответить на все эти вопросы, но я просто-напросто ничего не знаю.

А потом прозвенел звонок к окончанию уроков.

На следующий день по пути в школу я увидел четыре жел-

тые машины, что означало **черный день**, так что я не стал есть свой ланч и весь день просидел в углу комнаты, читая книги по математике для подготовки к экзамену. А на следующий день я опять увидел четыре желтые машины, что означало еще один **черный день**, и я снова ни с кем не разговаривал, а сидел в библиотеке, уткнув голову в угол, и от этого чувствовал себя в безопасности. На третий день держал глаза закрытыми, пока мы не вышли из автобуса. После двух **черных дней** подряд я имел на это право.

Но моя книга на этом не заканчивается, потому что пять дней спустя я увидел пять красных машин. Это означало **очень хороший день**, и потому я знал, что должно случиться нечто особенное. В школе ничего особенного не случилось, значит, оно должно было произойти после школы. И по дороге домой я зашел в магазин в конце улицы, чтобы купить лакричных палочек и молочную плитку на свои карманные деньги.

А когда я купил лакричных палочек и молочную плитку, я обернулся и увидел миссис Александер, старую леди из дома № 39, которая тоже была в магазине. На этот раз на ней не было джинсов. Она была в платье, как и положено нормальной старой леди. И от нее пахло едой.

Миссис Александер сказала:

– Что с тобой случилось в прошлый раз?

Я спросил:

– В какой раз?

Она ответила:

– Когда я вышла из дома, тебя уже не было, и мне пришлось съесть все печенье самой.

Я сказал:

– Я ушел.

А она ответила:

– Это я поняла.

Я сказал:

– Я подумал, что вы можете позвонить в полицию.

Она сказала:

– Боже, с какой стати?

А я ответил:

– Потому что я суюсь в дела других людей, а отец сказал, что я не должен выяснять, кто убил Веллингтона. А полисмен сделал мне предупреждение, и если я опять попадусь, то из-за этого предупреждения у меня будут серьезные неприятности.

После этого леди за прилавком спросила миссис Александер:

– Что вам угодно?

И миссис Александер сказала, что ей нужна пинта молока и пакет бисквитного печенья, а я вышел из магазина.

Оказавшись на улице, я увидел таксу миссис Александер. Она сидела на тротуаре, и на нее было надето пальто из клетчатой материи, которая называется «шотландка». Она была привязана за поводок к водосточной трубе рядом с дверью. Я люблю собак, так что я наклонился и сказал «привет», а она облизала мою руку. У нее был шершавый мокрый язык, и ей понравилось, как пахнут мои брюки, потому что она принялась их обнюхивать.

Потом вышла миссис Александер и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.